

Б.А. Азнибаев

**ВОИНСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ СЛУЖАЩИХ
ДВОРЯН ОРЕНБУРГСКОГО КОРПУСА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.
(по смотровым и формулярным спискам полков
и батальонов Оренбургской губернии)**

Провинциальные слои военного дворянства практически не исследовались в исторической литературе. Между тем повседневную жизнь, поведение на службе и вне службы, представления об офицерской чести в определенной степени можно рассмотреть на примере проступков, которые выходили за рамки военного и гражданского законодательства.

До сих пор правонарушения военного дворянства исследовались в масштабах всего офицерского корпуса России и только относительно XIX в.¹ Мы рассмотрим эту проблему на примере Оренбургского корпуса и применительно ко второй половине XVIII столетия.

Оренбургский пограничный корпус интересен тем, что в отличие от других формирований русской армии XVIII в. сохранил определенные черты прежней старой армии допетровского типа. Это, в первую очередь, касается системы комплектования. Она, как и XVII в., строилась на территориальном принципе, так что дворяне, служившие в Оренбургском корпусе, очень часто были помещиками одного уезда или губернии. С 1744 г. дворянских недорослей Оренбургской губернии отправляли на службу только в полки Оренбургского корпуса. Кроме того, только в Оренбургском корпусе в XVIII в. практиковалась система безвозмездных пожалований земельных дач офицерам в соответствии с чином и званием по месту службы. И наконец, офицеры только этого корпуса согласно указу от 11 февраля 1736 г. имели право на приобретение башкирских вотчинных земель². Таким образом, военное дворянство Оренбургского корпуса уже в середине XVIII в. представляло собой довольно замкнутую корпорацию, объединенную соседскими и родственными узами, а также преимуществом в колонизации края.

¹ Рабинович М.Д. По материалам научных архивов (Новые данные по истории оренбургского тайного общества) // Вестник Академии наук. 1958. № 8; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. IX. № 6893. С. 748—749.

Основным источником для изучения данной темы стали формулярные списки, имевшие особую графу, в которую заносились сведения о нарушениях и наказаниях военнослужащего. До настоящего времени формулярные списки использовались как вспомогательный источник, прежде всего для сбора биографических или генеалогических данных. С.М. Троицкий и П.А. Зайончковский в 70-е годы впервые обратились к формулярным спискам как к основному источнику для разработки проблемы социальной структуры бюрократического аппарата³. При этом исследовались формулярные списки главным образом классных чиновников центральных правительственные учреждений Российской империи.

Особая роль в исследовании формулярных списков офицеров русской армии 1812—1815 гг. принадлежит Д.Г. Целорунго⁴. Он не только проделал огромную работу по воссозданию социально-экономического облика русского офицерства 1812 г., но и доказал высокую степень достоверности формулярных списков и уникальную информативность этого источника. Комплекс этих источников отложился в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах 489 и 490⁵.

Смотровые списки с 1740 г. имели 12 граф:

1. Номер.
2. Чин, имя, отчество, фамилия.
3. Возраст.
4. Время поступления на службу.
5. Данные о происхождении и собственности у дворян из солдатских детей, из крестьян (если имелась собственность, то указывалось количество крепостных душ и местность, где собственность находилась. — Б.А.).
6. Знание грамоты.
7. В каком подразделении воинской части служит.
8. С какого времени в настоящем воинском звании.
9. Где обретается, при полку или в командировках, в госпитали или в отпуску.
10. Был ли в штрафах и по каким делам.

В 1740 г. были добавлены еще две графы, где фиксировались должностные изменения данного офицера или солдата. В 1756 г. в связи с подготовкой к войне с Пруссией прежний список был заменен новым, который и стал называться формулярным. Новый формуляр для каждого военнослужащего должен был запол-

³ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1973; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

⁴ Целорунго Д.Г. Формулярные списки корпуса офицеров русской армии эпохи Отечественной войны // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1990.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1—3; Ф. 490. Оп. 1—2.

няться один раз в полгода на основе предыдущего, а в случае отсутствия такового, новый формуляр заводить не разрешалось, пока не отыщется старый. Эти документы составлялись писарями полковой канцелярии и подписывались командирами, которые несли ответственность за их составление.

Нами была создана база данных по преступлениям и преступкам на каждого военнослужащего дворянского происхождения. Она охватила 2032 человека, которые несли службу в частях Оренбургского корпуса с 1743 по 1802 г. При работе с графикой «штрафы» выяснилось, что очень часто одни и те же поступки квалифицировались командованием либо как административные правонарушения, не влекущие судебной ответственности, либо как преступления, требующие проведения военного судебного процесса. По этой причине необходимо рассмотреть не только списки лиц, находившихся под судом, но и дела тех, кто был наказан по статьям военного устава.

Затем следует кратко описать особенности военного судопроизводства в данный период. Военный суд в XVIII в. включал две инстанции⁶. Низшей ступенью являлся полковой кригсрехт. Он состоял из председателя — презуза и асессоров. Однако профессиональным юристом считался аудитор, который должен был наблюдать за соответствием судебного процесса статьям военного законодательства. Кригсрехту были подсудны дела о ссорах, тяжбах и преступлениях обер-офицеров и низших воинских чинов, а также гражданских служащих, обслуживавших армию. Апелляционной инстанцией для полковых судов был генеральный кригсрехт. В качестве суда первой инстанции ему были подсудны: во-первых, преступления по оскорблению их величеств и вообще государственные; во-вторых, преступления, совершенные целым полком или отдельными частями; в-третьих, жалобы, приносимые на офицеров, касающиеся вопросов чести и жизни; в-четвертых, преступления и проступки высших военных чинов, влекущие за собой лишение чести. Оба этих суда выступали в качестве судов первой инстанции, но отличались компетенцией в зависимости от характера дела и служебного положения подсудимого. Все дела, решенные в генеральном кригсрехте, и дела обер-офицеров, решенные в полковом кригсрехте, подлежали обязательной ревизии в военной коллегии. А смертные приговоры в отношении штаб-офицеров требовали еще и утверждения императора. В составе кригсрехтов могло быть не менее семи судей. Председателем обычно являлся фельд-

⁶ Ефремова Н.Н. Судопроизводство в России в XVIII — первой половине XIX в. Историко-правовое исследование. М., 1993. С. 67.

маршал или генерал, при нем состояли шесть асессоров (два генерал-поручика, два генерал-майора, два бригадира или полковника). В случае отсутствия генералов в полку их могли заменить полковники, подполковники или майоры. Таким образом, функции правосудия осуществляли не специальные судьи, а обычные строевые офицеры. Суд не был постоянным. В полковом кригсрехте президентом являлся полковник или подполковник. При нем находились шесть асессоров — два капитана, два поручика, два прапорщика. Для оказания юридической помощи судьям кригсрехтов устанавливалась особая должность аудитора — штатного участника процесса. Аудитор был юристом, хотя по закону не имел голоса в приговорах. Однако он выполнял надзорные функции, следя за тем, чтобы процесс велся «порядочно» и надлежащим образом.

Основным кодексом, которым руководствовались военные суды, был Артикул воинский 1715 г.⁷ Он включал статьи о преступлениях не только воинских, но и политических, и общеуголовных. Воинский артикул без особых изменений действовал до издания первого Полевого уголовного уложения 1812 г. Специальной статьи, определяющей цель наказания, в артикуле не было. Тем не менее, из содержания артикула можно сделать вывод о том, что важнейшей целью наказания было устрашение. Об этом свидетельствует чрезвычайная жестокость наказаний, стремление изощренностью наказания удержать от совершения преступления. Смертная казнь безусловно предусматривалась в 74-х артикулах и в 27-ми статьях наряду с другими наказаниями. Из них в 60-ти случаях вид смертной казни не обозначался. Следует отметить, что этот памятник права не был всесторонне исследован. Историки права дискутировали в основном о влиянии европейского военного законодательства, кроме того, их интересовала проблема распространения артикула 1715 г. на гражданские судебные учреждения. Однако фактическая реализация правовых норм артикула 1715 г. пока не стала предметом специального изучения. Низкая правовая культура населения XVIII в. плохо соотносится с обилием статей, требующих в качестве санкции смертную казнь. Это обстоятельство не может не вызывать сомнений относительно того, насколько часто она реально применялась. При этом для артикула 1715 г. типично несоответствие между характером преступления и его тяжестью. Так, например, смертная казнь устанавливалась и за политические преступления, и за убийство, и за богохульство, и за сон на карауле. Артикулом предусматривалась смертная казнь различных видов —

квалифицированная (четвертование, колесование, залитие горла металлом, сожжение) и простая (расстрел, повешение, отсечение головы); телесные наказания — болезненные (битье кнутом, шпицрутенами, заковывание в железо) и членовредительские (отсечение пальцев, носа, ушей, клеймение и др.). Широко применялась также ссылка на срок и бессрочная, ссылка на каторжные работы, заключение в тюрьму. В отношении офицеров применялись и особые наказания: отставление от службы (на время и совсем), лишение чина и достоинства (позорящее наказание), служба в качестве рядового, арест у профоса (палача), лишение отпуска.

Из 2032-х человек 269 были рядовыми; 701 служащий состоял в унтер-офицерских чинах. Большинство из них (204 человека) являлись капралами. На втором месте в унтер-офицерском звании были сержанты (184 служащих). Затем шли подпрапорщики (175 человек), вахмистры (67 служащих), капитенармусы (32 человека), 45 кадетов и 4 квартирмейстера. И наконец, 1062 человека имели офицерские чины: чин генерал-лейтенанта — один служащий, генерал-майора — два, бригадира — один, полковника — 26, подполковника — 31, премьер-майора — 53, секунд-майора — 43, капитана — 218, штабс-капитана — 42, поручика — 200, подпоручика — 154 и прапорщика — 288 служащих.

Всего побывали под судом и были оштрафованы за разного рода правонарушения 113 человек, т.е. 5,5% от общего числа служащих. Примечательно, что из 269-ти дворян, служивших рядовыми, зафиксирован только один правонарушитель. И тот, как оказывается, был разжалован из подпоручиков. Антон Жданюкевич, происходивший из польского шляхетства Риги, начал карьеру рядовым в рижском карабинерном полку в 1770 г. Потом по желанию в 1779 г. был переведен ефрейт-капралом в лейб-гвардии конный полк. В 1773 г. был отставлен от службы в чине подпоручика. В 1781 г. возвратился на службу в Оренбургский корпус. В 1788 г. в московском генеральном кригсрехте был судим «в подговоре им при отъезде из Санкт-Петербурга крепостного отставного секунд-майора Азарева человека к побегу и во взятии у него из украденного у господина его денег и прочего». За это преступление он был переведен из подпоручиков в рядовые шестого Оренбургского мушкетерского полка.

Есть одно обстоятельство, которое вынуждает признать, что реальное число правонарушителей из рядового дворянства было значительно больше. Хотя формально и после Жалованной грамоты дворянству 1785 г. действовали законы, запрещавшие выход в отставку рядовым дворянам, не прослужившим положенного

⁷ Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4.

срока, на деле практика отставок имела место. Карьерные перспективы проштрафившегося рядового дворянина вызывали большие сомнения не только у командования, но и у самого служащего. Выходом из затруднения могла быть отставка по болезни, которая устраивала всех. Естественно, формулярные списки на служащих, выбывших из полков, не составлялись. Есть примеры, подтверждающие такие предположения. Но для этого необходимо привлечь сведения из дел фонда генерального кригсрехта того же Военно-исторического архива⁸. За вторую половину XVIII в. из 276-ти дел по Оренбургскому корпусу 13 судебных разбирательств было связано с рядовыми из дворян. Кроме того, отсутствие формулярных списков осужденных рядовых могло быть вызвано не только отставкой, но и отправкой на каторгу. Василий Бочкарев, к примеру, за растление своей малолетней дочери был приговорен к наказанию кнутом и отсылке на каторгу в работы на Нерчинские заводы⁹. Другой случай связан с солдатом Уфимского гарнизонного полка Иваном Сокуровым, чьи предки служили в Уфе еще в начале XVI в. В 1752 г. он был приговорен за «смешение» с коровой вахмистра Степана Соловцова к отсечению головы, но, как было сказано в сенкенции, «понеже он молод, только 19 лет, то бить кнутом, отослать вечно в ссылку в работу»¹⁰.

Гораздо больше проступков наблюдается на другом полюсе армейской иерархии. Среди оштрафованных и осужденных штаб-офицеров фигурируют: один полковник, два подполковника, шесть премьер-майоров и девять секунд-майоров, что составляет 16% от общего числа нарушителей и 7% от числа всех штаб-офицеров. Единственный полковник, попавший под суд, был командир Четвертого Оренбургского гарнизонного батальона Василий Петрович Панов, происходивший из мелкопоместных костромских дворян. За ним значилось всего десять душ крестьян. Панов был участником русско-турецкой войны 30-х годов XVIII в., русско-шведской 1741–1743 гг. и Семилетней войны. В 1774 г. оборонял от Пугачева Оренбург. Будучи уже полковником, 60-ти лет попал под суд. Был обвинен в ссоре и «блудодеянии» со вдовствующей полковницей фон Нитчен и «учинении как ей, так и людям ее, побоев», за что, по определению губернатора, арестован при квартире на одну неделю, а потом отослан в Оренбургское духовное управление на увещевание.

⁸ ЦГВИА. Ф. 8. Оп. 1/89-6.

⁹ Там же. Оп. 1/89. Д. 218.

¹⁰ Там же Оп. 1/89-6. Д. 1281.

Унтер-офицеры показали себя как наиболее дисциплинированная часть военного дворянства. Под штрафом и судом было всего четыре прапорщика и один корнет. От общего числа наказанных служащих это составляет 4%, а от числа унтер-офицеров — чуть более полпроцента.

Наибольшее число штрафов приходится на обер-офицеров: 36 прапорщиков, 13 подпоручиков, 22 поручика, один штабс-капитан, 17 капитанов. Итого — 89 человек. От числа правонарушителей эта цифра составила 78%. При этом получается, что каждый десятый младший офицер либо побывал под судом, либо был наказан согласно статьям военного устава.

Во многом благодаря законодательству XVIII в. и делопроизводственным материалам Оренбургской экспедиции в историографии сложилось мнение, что в Оренбургском корпусе служили в основном сосланные по суду офицеры. Однако из 2032-х человек, дела которых имелись в нашем распоряжении, обнаружено лишь 14, оказавшихся в составе воинских частей губерний в на- казание за прежние правонарушения. Причем девять человек были рядовыми солдатами, сосланными навечно за участие в польских восстаниях. И хотя в конце 90-х годов наблюдается необычайно резкий рост числа офицеров из бывших гвардейцев, объясняется это особенностями внутренней политики Павла I, а не криминализацией гвардейских полков.

Следует отметить и то, что из 113-ти обвиняемых 86 (76%) вообще не имели земли, крестьян и дворовых. Самым крупным помещиком среди них был подпоручик ландмилицкого Билярского драгунского полка Алексей Степанович Кошкаров. За отцом его по IV ревизии в Саранском уезде значилась тысяча душ. В 1751 г. Кошкаров находился под судом за «сказывание слова и дела государева в беспамятстве», за что был оштрафован вычетом денежного жалованья за полгода. Только три человека обла- дали именами, насчитывавшими 100 и более душ. Это капитан Евгений Алексеевич Куткин (100 душ), поручик Петр Григорьевич Аннушкин (120 душ) и прапорщик Алексей Андреянович Кузнецов (120 душ). Таким образом, большая часть оштрафованных существовали только за счет казенного жалованья и, в общем-то, должны были дорожить своей службой.

Рассмотрим наиболее характерные виды преступлений и про- ступков. Из 204-х правонарушений, совершенных 113-ю военно- служащими, 121 случай связан с исполнением военной службы. В основном это было несоблюдение правил несения караульной и пограничной службы.

В 56-ти случаях несение караульной службы, не отвечающее требованиям устава и приказам командования, являлось главным обвинением на судах.

31 случай был связан с плохой организацией охраны границы по оренбургской линии. Наиболее распространенным и, очевидно, выгодным делом был отпуск командирами с летней линейной службы казахов, башкир и мещеряков. В ряде судебных разбирательств прямо указывается на взятки, которые брали офицеры за преждевременную отправку домой казахов и башкир. Более серьезным и опасным преступлением был пропуск казахов на внутреннюю, а башкир — на внешнюю сторону охраняемой линии, поскольку и те и другие переезжали границу главным образом для преступных целей. Всего зафиксировано 14 подобных преступков. Но, как правило, такие нарушения происходили из-за отсутствия должного контроля за основными путями передвижения кочевников. Интересно и то, что процесс начинался только тогда, когда переход границы влек за собой материальный ущерб, выражавшийся в отгоне башкирских или казенных лошадей, уводе пленных и т.д.

Двадцать одно правонарушение можно квалифицировать как неподчинение приказам командования.

Девять процессов были вызваны несоблюдением уставных правил при несении караулов, охраны острогов, крепостей и гауптвахт. Причем, в восьми обвинениях речь шла о пьянстве на посту. В шести случаях отсутствие охраны повлекло за собой бегство арестованных.

Согласно артикулу 1715 г., все перечисленные правонарушения являлись наиболее тяжкими военными преступлениями.

Четырежды офицеры оренбургских полков были обвинены в «несходственном с законами решении в полковых кригсрехтах». Речь шла в основном о нарушении присяги при исполнении должности ассессора в полковых судах. Участники судебного процесса, назначаемые из того же полка, не могли быть всегда беспристрастными в отношении человека, с которым служили.

Два обвинения офицеров были вызваны симуляцией или отказом нести службу под видом болезни. Если полковой лекарь разоблачал мнимого больного, это служило основанием для начала судебного процесса.

Из 121-го обвинения 47 так или иначе были связаны с пьянством. При этом лишь в 12-ти процессах привлечение к судебной ответственности вызывалось исключительно злоупотреблением алкоголем. Обвинение в пьянстве нередко сопровождалось фразами о соблюдении «офицерской чести». Подобные упоминания особенно часто начинают встречаться в судебных процессах 60-х годов XVII в. В сентенциях кригсрехтов общим местом становится наставление, чтобы нарушитель в будущем «от таковых непристойных по чести офицерской поступков воздержался».

Однако если судить по приговорам военных судов, то под честью следует понимать только строгое соблюдение воинского устава и повелений начальства, не более того. Но при этом заметна тенденция: чаще эта фраза употребляется в отношении офицеров, происходивших из податных слоев.

Что касается уголовных преступлений, то их совершалось несколько меньше. За исследуемый период мы выявили семьдесят одно судебное разбирательство подобного рода. Однако подчас трудно отделить военные нарушения от уголовных. Как квалифицировать, например, избиение обвиняемым караульного офицера, который официально пришел его арестовывать? Самые распространенные преступления — насилие и избиения подчиненных военнослужащих, гражданских лиц и даже товарищей по службе. Только в десяти случаях речь может идти даже не о поединках с применением холодного оружия, а о драках, перебивших в поножовщину. Гораздо чаще офицеры, не исключая и потомственных дворян, пускали в ход кулаки, палки и другие подручные средства. В качестве примера можно привести, пожалуй, самый вопиющий случай. В 1783 г. судили капитана Степана Романовича Халютина по жалобе поручика Будрина «о зверстве его Халютина, в пьяном образе с ним Будрине поступке, прокушением им Халютиным, зазвав в дом свой, зубами своими у носа правой ноздри насеквозди и вкушением из оной небольшого куска мяса». Сам Халютин был из потомственных костромских дворян, имел поместные земли в Оренбургской и Костромской губерниях.

Так или иначе, с рукоприкладством было связано 37 судебных процессов. Избиения, по-видимому, были настолько обычным явлением, что процесс начинали лишь после серьезного членовредительства или чаще — смерти человека. Однако не следует ассоциировать эти факты только с армейской средой. Офицеры нередко избивали до смерти своих крепостных, которые прислуживали им и в полках. Новгородский потомственный дворянин поручик Лукьян Васильевич Апрелев в 1754 г. был обвинен в том, что «сослал из двора свою дворовую девку новокрещенную, которая от великих морозов и хладу, поознобя руки и ноги, ползая на коленках, умерла без всякой христианской должности духовенства». Именно последнее обстоятельство и стало причиной начала судебного процесса.

Впрочем, некоторые правонарушения кажутся странными, и их мотивация не всегда понятна. Потомственный дворянин штабс-капитан Николай Петрович Плещивцов был оштрафован в 1800 г. «за хождение не в должной одежде за реку Урал». А прапорщик Андрей Данилович Тебердин, выслужившийся из солдат-

ских детей, в 1783 г. попал под суд «за безобразное хождение по крепости в мундире и при шпаге, с навешанными на себя ведрами и коромыслом, граблями, лопаткой и лаптями...»

Насилие в отношении гражданских лиц часто сводилось к вымогательству денег, прогонных подвод, угощения и т.д. Однако при этом нами выявлены только три случая воровства офицерами имущества и денег у других лиц. Наиболее характерный в этом отношении случай имел место в 1774 г., когда состоялся процесс над капитаном, охотским дворянином Отто Безейкиным. Покупая у торговца нательные золотые кресты, он затеял спор, во время которого незаметно снял и спрятал один крестик. Второй раз Безейкин попал под следствие в 1781 г. за продажу украденного его денщиком кованого колеса и «за открытие дурными своими примерами поводу денщику своему к воровству». Гораздо чаще офицеры участвовали в расхищении казенного военного имущества, денег, провианта и т.д. Всего можно привести около 30-ти примеров. Интеллектуальной формой хищения казенного имущества были подлог, искажение отчетности, требующие сложных и выверенных действий, поэтому к ней прибегали не часто. Выявлено семь таких случаев, и то они связаны с деятельностью только двух офицеров. Один из них — Василий Иванович Тихомиров, который служил в 80-е годы подпоручиком в Оренбургском драгунском полку и был трижды судим: во-первых, за фальсификацию приходно-расходной книги, во-вторых, за хищение казенных денег и, в-третьих, за подговор «подписчика в книге под статьями неведомого человека». Чаще судили за продажу казенного вина, которое должно было выдаваться подчиненным «порционами». Таких офицеров при разоблачении судили за «кормчество».

И наконец, только пять судебных разбирательств было связано с половыми преступлениями. Исследователи объясняют столь малое число подобных нарушений тем, что русское законодательство XVIII в. гораздо мягче европейского наказывало за двоебрачие, прелюбодеяния, кровосмешение, мужеложство и скотоложство. Однако даже такие щадящие нормы, по-видимому, не всегда соблюдались.

Рассмотрим наказания, которые налагались полковыми кригсрехтами в соответствии с действующим военным законодательством.

Из 204-х санкций, примененных к нарушителям, в 84-х случаях речь шла только об аресте. При этом срок заключения, как правило, не превышал двух месяцев. Только в отношении трех человек этот срок ареста оказался выше. 29 раз устанавливается месячный срок. Очень популярным среди командования и асес-

сов полковых кригсрехтов был недельный срок заключения. Причем в 14-ти случаях из 16-ти арест был связан с ограничением в пище — «с посажением на хлеб и воду». Интересно и то, что в четырех случаях арест не освобождал офицеров от командования вверенными им подразделениями. В отношении восемнадцати правонарушений время заключения не превышало недели. И наконец, в двадцати одном решении о сроке ареста не говорится ни слова.

Реже, а именно в 42-х случаях, в качестве наказания использовалась такая мера, как временное разжалование. Сюда же относятся случаи, когда в приговор записывалось, что нарушитель должен быть обойден чином при очередном произведении. Обращает на себя внимание то, что разжалование квалифицировалось судами как исключительная мера наказания. Например, по формулярным спискам известны лишь два случая, когда полковые кригсрехты вынесли смертные приговоры. Однако после конfirmации в генеральном кригсрехте оба решения были заменены разжалованием, причем, с правом выслуги в офицерские чины. Капитан Оренбургского драгунского полка Федор Иванович фон Галлер, происходивший из шведского дворянства, в 1768 г. был обвинен в «зaborе у сидельца за проданную соль казенных денег 150 рублей, равно в ругательстве и битии по щекам без всякой причины сидельца помощника и в держании под арестом и вымогательстве французской водки». В конце концов, было решено его от «смертной казни избавить, а вместо того написать на год в рядовые». Вторым преступником, приговоренным к повешению, был уже упомянутый капитан Степан Романович Халютин. Однако смертный приговор последовал не за «зверское поведение», а за военное преступление, состоявшее в том, что «в противность комендантского запрещения отпускал флейтиков Никитина Евстифеева и барабанщика Осипова в новый год в форштадт для поздравления барабанным боем, которые, будучи там, вдались в пьянство, а по штрафовании комендантом тех барабанщиков и флейтиков за ту их из форштадта отлучку, вышедши на крыльце оный Халютин выговаривал им за что де дали де себя бить через что подал явный пример, дабы нижние чины начальнику не повиновались». Не допускал капитана Елагина по повелению коменданта себя арестовать, при приходе коменданта в его Халютина покой для объявления ареста к оскорблению коменданта, называл коменданта государственным вором, а по делу не доказывал, в пренебрежении законов ударил коменданта в бороду, когда пришли с комендантом караульные офицеры и солдаты для взятия его Халютина под арест, не только противился но и угрожал приготовленной

на такой случай обнаженной саблей изрубить кто приступится, а при всем том при выходе его коменданта произносил вслед ему ругательные слова». В приговоре же было отмечено «за выше писанные его преступления по силе воинских 22 (оскорбление командира), 24 (вооруженное сопротивление приказам командира), 27 (намеренное уклонение от выполнения приказа), 36 (обнажение оружия в присутствии начальства), 65 (хищение казенных денег), и 191 (крупная кража) артикулов уложения 7-й главы 31-го пункта лишить чинов и дворянского достоинства, учинить ему смертную казнь, повесить его при всем полку, но сообразуясь с высочайшим ее императорского величества ко всем падшим милосердия избавить. Однако же отобрать у него на чины патента, написать в рядовые на полгода и по не престарелым его летам определить в полевые полки».

В 22-х случаях в отношении правонарушителей была применена не одна, а несколько мер воздействия. Чаще всего, например, арест сопровождался внеочередным караулом (11 случаев). В приговорах к вычету из жалованья с целью компенсации материального ущерба часто добавлялся строжайший выговор. Необходимо упомянуть нетипичные для дворянства случаи «наказания на теле». Выявлены только три таких казуса. Подпрапорщик Ефим Федорович Воробьевский, выходец из потомственных дворян Алаторского уезда, попал под суд в 1753 г. Он был обвинен в расхищении серебра из разграбленного калмыками купеческого каравана. По приговору военного суда его прогнали через полк шпицрутенами 6 раз, потом записали в рядовые до выслуги, затем в том же году произвели в подпрапорщики. Другой пример связан с представителем старейшего княжеского рода Уфы – князем Василием Андреевичем Ураковым. Он служил драгуном в Уфимском полку. В 1739 г. «за противность перед поручиком Кузнецовым в ослушании и за пьянство наказан шпицрутенами и послан в Екатеринбург в каторжную работу на два года». Затем в 1743 г. вторично «оштрафован горячими шпицрутенами через полк 9 раз». Драгун Шешминского ландмилицкого полку Терентий Михайлович Шевелев происходил из смоленского шляхетства Казанского уезда. Он попал под суд в 1744 г. по обвинению в покупке «заведомо краденых лошадей и по конфирмации оштрафован шпицрутенами через полк 6 раз».

Очень редкими в практике наказания были всякого рода денежные штрафы. Всего в 18-ти приговорах в качестве меры наказания фигурируют конфискация имущества, вычет из жалованья, требование восполнить пропажу и др. К денежным штрафам приговаривали только в случае явно доказанного ущерба. И в первую очередь, связанного с имуществом частных лиц. Что же

касается казенного добра, то здесь такая мера устанавливалась не всегда. Нередко в расчет бралась способность обвиняемого восполнить нанесенный ущерб. К примеру, в 1772 г. поручик Оренбургского гарнизонного полка Автоном Иванович Ляпунов сумел избежать конфискации имущества. Он был под судом за то, что, сопровождая до Смоленска партию башкир, делал «не порядочные и чести офицера предосудительные поступки». В частности, брал «ковес без меры, а сено без весу», обнадеживая сельчан тем, что «платеж учинен будет якобы следующим за ним Ляпуновым майором Шмаковым». Кроме того, он употребил на свои надобности из отпущеных ему на раздачу башкирам 60 рублей, вымогал у жителей подарки, вино и деньги. После подсчета убытков, которые он сделал на протяжении всего следования партии, оказалось, что его имение не компенсирует и сотой доли стоимости изъятого добра.

Исследование видов наказаний дает возможность увидеть, что в большинстве случаев мера ответственности за преступления и проступки не соответствовала статьям военного законодательства. Воинский артикул 1715 г., лежавший в основе этого законодательства, к середине столетия уже не был ориентиром для военных судов при вынесении судебных приговоров служащим из дворян. При сопоставлении решений военных судов со статьями артикула выясняется, что в 55-ти из исследованных нами 204-х приговоров в качестве санкции должна была быть установлена смертная казнь без каких-либо условий и толкований. Это, в первую очередь, касалось нарушений правил караульной службы в городах и охраны крепостей (глава 4 артикула). Всего же, по нашим подсчетам, была нарушена 21 статья артикула, где в качестве единственной меры наказания фигурирует смертная казнь. Это касается драк с обнажением оружия, подделок финансовой документации, злостного неподчинения приказам вышестоящих офицеров, грабежа, вымогательства и т.п.

Таким образом, каждый четвертый офицер, совершивший преступление, должен был быть казнен. Тем не менее, к смертной казни приговорили только двух человек, да и тем она была заменена каторгой и разжалованием. Интересно, что участники судебного процесса прекрасно осознавали явное несоответствие между преступлением и наказанием и в некоторых случаях в приговорах указывали причину смягчения приговора. Так в пяти из 55-ти сentenceй военных судов говорится, что от смертной казни обвиняемый избавлен «дабы он чувствителен был». Ссылка командиров на то, что излишне суровые приговоры судов делают подчиненных «нечувствительными» к наказанию вообще, интересна с точки зрения изучения атмосферы, которая царила

в гарнизонных и пограничных полках. Вероятно, меры наказания артикула 1715 г. в первое время его принятия, особенно в условиях Северной войны, применялись достаточно широко. Тогда суворость санкций артикула была оправдана, однако в обстановке отдаленного гарнизона или рутинной пограничной службы подобные меры действительно могли вызвать у любого служащего отчаяние, утрату страха перед наказанием. Полное соблюдение всех норм и правил военной службы было просто невозможно, а эмоциональное перенапряжение, вызванное постоянным страхом жестокого наказания за их нарушение, опасно в условиях неспокойной инородческой окраины. Полковые суды игнорировали санкции артикула 1715 г. еще и потому, что в Оренбургском корпусе на протяжении всего XVIII в. основательно ощущался дефицит командного состава. В середине столетия вакантными оставались до 15% командных должностей. Наиболее существенные проблемы были связаны с нехваткой обер-офицеров. Неслучайно именно они и являлись самой недисциплинированной частью служащего дворянства. Несмотря на серьезные проступки своих подчиненных, штаб-офицеры, из которых и формировалась полковые суды, вынуждены были более бережно относиться даже к нерадивым офицерам. Интересно, что в большинстве приговоров предусматривалось то, что правонарушитель после соответствующего наказания останется служить в той же части. В Оренбургском корпусе крайне редко встречается такая мера как каторга или ссылка. Однако недостаток командных кадров был местной особенностью и вряд ли его следует считать типичным для гарнизонов центральных губерний России и армейских полков.

Таким образом, если нарушения в области воинской службы являлись сугубо военными правонарушениями, то широкий спектр уголовных преступлений в целом мало отличался от таких в иных сферах жизни общества: хищение казенного имущества и его воровство у частных лиц, пьянство, драки, избиения, а то и убийства подчиненных военнослужащих и крепостных. Это лишний раз обнаруживает тесную взаимосвязь армии и общества, пусть даже в такой специфической области, как правонарушения.

Поступила в редакцию
08.05.03